

М.А. ГУЗИКОВА
Уральский университет

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРОРОК: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ ЭРНСТА ЮНГЕРА В РОССИИ

Прочтение зарубежных авторов – процесс с непредсказуемыми результатами. Известно, что англичане считают А.С. Пушкина слабым подражанием Байрону, а романы Э.М. Ремарка пользуются в России куда большей популярностью, чем на родине автора. В данной статье предпринята попытка показать особенности восприятия произведений германского писателя Эрнста Юнгера в России. Для этого необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Какой именно Э. Юнгер, какая ипостась писателя была воспринята и воспринимается в России (в СССР)? Э. Юнгер раннего периода своего творчества – «автор дневников и эссеист Первой мировой войны, национал-революционер периода 1920-х – начала 30-х годов, в своем эссе «Рабочий» (1932) эстетически универсализировавший понятия работы и техники»¹? Э. Юнгер после захвата власти Гитлером, которого автор называл своим политическим «ментором ex negativo»², писатель так называемой «внутренней» эмиграции? Или поздний Э. Юнгер – консервативный писатель, больше не «идеолог и мыслитель»³?
2. Какой вариант того или иного юнгеровского произведения представляется на суд российскому читателю? Под предлогом того, что «историческое должно отойти на второй план по отношению к элементарному и мусическому»⁴, Юнгер всю жизнь перерабатывал написанное, поэтому почти каждое последующее издание его работ не было идентично предыдущему. У Э. Юнгера нет *текста* как такового, есть только его варианты. Стала ли юнгеровская «мания редактирования»⁵ предметом обсуждения его русских читателей – критиков, литературоведов, переводчиков, издателей?
3. Каковы стратегии или варианты прочтения Э. Юнгера?

Доклад на конференции «» (Франкфурт на Майне, Германия, 200 г.).

¹ H. Segeberg, Regressive Modernisierung. Kriegserlebnis und Modern-Kritik in Ernst Jüngers Frühwerk // Vom Wert der Arbeit: zur literarischen Konstitution des Wertkomplexes "Arbeit" in der deutschen Literatur (1770-1930); Dokumentation einer interdisziplinären Tagung in Hamburg vom 16. bis 18. März 1988/ Hrsg. Von H. Segeberg. Tübingen: Niemeyer, 1991. S. 338.

² Jünger E. Ausgehend vom Brümmerhof, 1974, zit. nach: Noack P. Ernst Jünger. Eine Biographie. Berlin: Alexander Fest Verlag, 1998. S. 121.

³ Dornheim L. Vergleichende Rezeptionsgeschichte. Das literarische Frühwerk E. Jüngers in Deutschland, England und Frankreich. Fr/M.: Verlag Peter Lang GmbH, 1987.

⁴ Jünger E. Auf eigenen Spuren. In: Jünger E. Werke Band 10. Erzählende Schriften II. Stuttgart: Klett, 1965. S. 416, zit. nach: Knebel H. " Fassungen": Zu Überlieferungsgeschichte und Werkgenese von Ernst Jüngers *In Stahlgewittern* // Vom Wert der Arbeit: zur literarischen Konstitution des Wertkomplexes "Arbeit" in der deutschen Literatur (1770-1930); Dokumentation einer interdisziplinären Tagung in Hamburg vom 16. bis 18. März 1988/ Hrsg. H. Segeberg. Tübingen: Niemeyer, 1991. S. 379.

⁵ Термин Ульриха Беме

Восприятие произведений Э. Юнгера в России началось с большим опозданием. Его первая книга «В стальных грозах» увидела свет в 1920 г., первая статья о нем на русском языке появилась в 1962 г., после того, как в Германии было издано собрание сочинений в 10 томах, на русском языке он был впервые опубликован лишь в 1992 г. Оригинальные издания работ Э. Юнгера на немецком языке, в том числе и десяти томное собрание сочинений, появились в московских библиотеках, прежде всего в Библиотеке иностранной литературы⁶, гораздо раньше. Доступ к ним, насколько можно судить, не был ограничен или запрещен, с ними можно было свободно работать. Наряду с Э. Юнгером были доступны работы других представителей так называемой «консервативной революции» - К. Шмита, Э. фон Саломона, А. Боймлера, Э. Никиша, М. ван ден Брука, а также издания журналов «Видерштанд», «Штандарте», «Штальхельм» и др. Для идеологов большевизма юнгеровские поиски «нового» человека должны были представлять интерес, при всех возможных различиях Э. Юнгер и большевики были едины в своем неприятии буржуазного мира и стремились к «декомпозиции буржуазной формы жизни».

Э. Юнгер был и остается неизвестным для широкого читателя. Его имя до сих пор доступно лишь узкому кругу специалистов. География российского юнгероведения долгое время ограничивалась столицей, и лишь в последнее время появились аспиранты в Санкт-Петербурге, Перми, Екатеринбурге. Не вызывает сомнений то, что расширение ареала исследований Э. Юнгера в России связано с появлением переводов его книг.

Российскими исследователями были предприняты попытки обобщить результаты рецепции Э. Юнгера в России. В 2000 г. на немецком языке вышла статья Г. Хайдаровой о российском прочтении этого писателя⁷. Данная работа ценна тем, что в ней дана панорама исследований Э. Юнгера в России, кратко освещены основные направления: философское, литературоведческое, политологическое. Однако в целом, автор статьи не ставил перед собой задачу систематизации и обобщения результатов, накопленных в процессе нескольких десятилетий прочтения Юнгера. В большей степени исследовательница стремилась к тому, чтобы определить место писателя в русском интеллектуальном пространстве. Она указала на близость Э. Юнгера к «русской традиции», в которой «едины философский и литературный, а также литературный и экзистенциальный опыт. Поэтому философское сочинение предполагает у нас выражение своей политической позиции и оценку происходящего в обществе, экзистенциальную установку по отношению к рассматриваемой проблеме. Вопрос об ответственности мыслителя в России не ставился только потому, что мыслитель был совестью *par excellence*»⁸. Пристальное внимание Г. Хайдарова уделила вопросу актуальности Э. Юнгера для российского читателя, указав при этом, что актуальность писателя обусловлена его позицией «диагноста своего времени».

⁶ Сегодня Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы имени М. И. Рудомино (ВГБИЛ). В статье не приводится точного названия библиотеки, т.к. со времени своего основания в 1921 г. библиотека четыре раза меняла свое название.

⁷ Khaidarova G. Die Rezeption von Ernst Jüngers Werken in Russland // Les Carnets. 2000. №5. S. 199-205.

⁸ *ibidem*. S. 199-200.

Вопрос о прочтении Э. Юнгера в России был затронут и автором первой российской диссертации, посвященной творчеству писателя⁹. А. Михайловский, не преследуя цели дать исчерпывающую картину восприятия Э. Юнгера в России, перечислил основные публикации, затрагивающие его творчество, а также указал на общую скудность посвященных Э. Юнгера работ: «В первую очередь следует отметить, что в отечественной историко-философской науке до сих пор не предпринималось попыток анализа воззрений на феномен техники в творчестве Э. Юнгера в связи с их влиянием на формирование критики техники и метафизики у М. Хайдеггера. Подобный анализ предполагает, в первую очередь, необходимость реконструкции философско-исторической концепции Юнгера в целом, которая также отсутствует в современной философской и историко-философской литературе. Некоторым философским аспектам творчества Юнгера было посвящено лишь несколько работ, написанных скорее в идеологическом духе и изначально становившихся на позиции отрицания и неприятия»¹⁰. А. Михайловский отметил, что «в последние годы биография и творчество Юнгера стали вызывать гораздо больший интерес»¹¹. По его мнению, усиление интереса к Э. Юнгера связано с появлением переводов его книг, а также с разработкой контекста «консервативной революции», в котором Э. Юнгер может трактоваться: «Кроме того, у читателей также появилась возможность более глубоко проникнуть в исторический контекст политических движений и идеологий Веймарской республики (феномен «консервативной революции» в Германии), в годы которой складывались взгляды Юнгера»¹². В библиографическом разделе своей диссертации А. Михайловский впервые составил список наиболее существенных публикаций о Э. Юнгере на русском языке, включая переводы его текстов.

Для целей данной работы не было произведено отбора материала по какому-то признаку¹³, была предпринята попытка наиболее полно осветить все виды источников: рецензии, статьи в справочной литературе, публицистические статьи, самостоятельные научные исследования и др.¹⁴ До 1990 г. все публицистические статьи, касающиеся Э. Юнгера, выходили в официальных журналах и газетах, после распада коммунистической системы публицистическое эхо теряет свою однородность и предсказуемость. Возникают новые газеты и журналы, чей статус, целевую аудиторию и политическую направленность не всегда легко определить.

Для исследования были привлечены 45 статей 24 авторов в 36 печатных изданиях: с 1960 по 1990 гг. – 16 источников, среди них одна диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук, в 14 печатных изданиях, с 1990 по 2003 гг. – 29 источников, среди них одна диссертация на соискание степени доктора философских наук, в 25 изданиях. На период после распада СССР прихо-

⁹ Михайловский А. Вопрос о технике. Критика эпохи у Эрнста Юнгера и Мартина Хайдеггера. Автореферат дисс. ... канд. филос. наук. М., 2001.

¹⁰ Там же. С. 4.

¹¹ Там же.

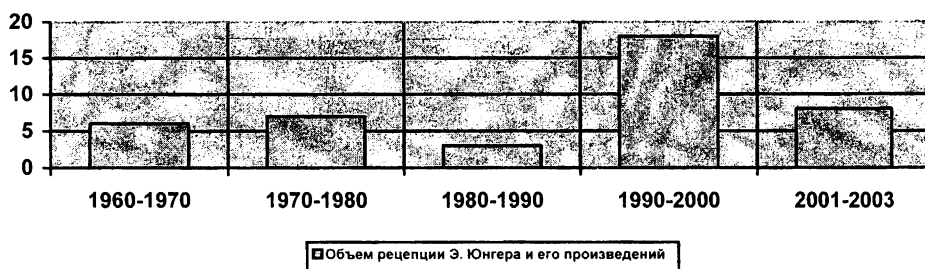
¹² Там же.

¹³ В данной статье не были учтены источники в сети Интернет.

¹⁴ Темой, требующей отдельного рассмотрения, является восприятие Э. Юнгера, в особенности, его ранних политико-философских произведений и публицистики 1920-х гг., в кругах праворадикального политического спектра. Эти материалы не были включены в данную статью.

дятся все переводы произведений Э. Юнгера на русский язык, всего 10 публикаций, среди них 4 книги. Первая книга – утопия «Гелиополь» – была издана в 1992 г. и переиздана в 2000 г. Эссе «Рабочий. Господство и гештальт» совместно с эссе «Тотальная мобилизация» и «О боли», а также его роман «В стальных грозах» – в 2000 г. В 2002 г. последовал перевод первой книги «Излучений».

Диаграмма 1.

Как следует из диаграммы № 1, степень известности Э. Юнгера в России повысилась лишь в 1990-2000 гг. после выхода в свет переводов его произведений. Незначительный объем рецепции писателя до этого периода объясняется тем, что

- Э. Юнгер не был переведен и, как следствие, был доступен лишь узкому кругу специалистов, владевших немецким языком.

- Э. Юнгер не соответствовал социалистическому канону. Будучи однажды отвергнутыми, его произведения перестали быть импульсом для дальнейших исследований.

- Отсутствовал контекст для восприятия и интерпретации произведений Э. Юнгера. Авторы «консервативной революции», а позднее, представители консервативного течения в литературе Западной Германии подпали под тот же идеологический запрет, что и сам Э. Юнгер.

- В определенной степени, недостаточное восприятие произведений Э. Юнгера в России было следствием его маргинального положения в немецкой литературе. Германская литературная критика связывала литературное творчество Э. Юнгера скорее с французской традицией *hommes de lettres*.

Можно предполагать, что восприятие Э. Юнгера в России в целом проходит по той же схеме, что и во Франции, Великобритании, а ранее в ГДР. В соответствии с этой схемой на первом этапе произведения Э. Юнгера и личность автора воспринимаются через политико-идеологическую призму, и лишь в дальнейшем предметом обсуждения становится философское и литературное измерение его творчества. Отклонения от этой схемы связаны с особенностями общественного развития той или иной страны¹⁵.

Восприятие Э. Юнгера до начала перестройки и распада СССР 1960-е гг.¹⁶

¹⁵ Ср.: Dornheim L. Vergleichende Rezeptionsgeschichte. Das literarische Frühwerk E. Jüngers in Deutschland, England und Frankreich. Fr/M.: Verlag Peter Lang GmbH, 1987. VIII, 319, A 165 S.

¹⁶ Черная Л. Неофашизм в литературе Западной Германии // Вопросы литературы. 1962. № 10-12. С. 122 – 137; Черная Л. Десять томов ненависти // Литературная газета. 1963. № 146. С. 2;

Поводом для первого обращения к Э. Юнгеру в 1960-х гг. стало, как это следует из названия одной из статей – «Десять томов ненависти», – во-первых, издание десяти томного собрания его сочинений¹⁷, а во-вторых, полученные им в предыдущем десятилетии многочисленные награды¹⁸. Можно с высокой долей уверенности утверждать, что авторы, писавшие о Э. Юнгере в 1960-е гг., читали его произведения в оригинале, т.к. к этому времени десяти томник его сочинений, на который ссылается большинство из них, был в наличии в Библиотеке иностранной литературы в г. Москва. Статьи 1960-х гг. написаны с позиции отрицания. Их функция – снабдить потенциального читателя Э. Юнгера идеологическим инструментом, сформировать негативную оптику. Авторы особо выделяют антигуманизм писателя и универсальность его милитаризма. Сочинение Л. Черной, написанное в рамках дискурса холодной войны, характеризуют Э. Юнгера как нацистского и неофашистского автора, который совместно со своими западногерманскими коллегами по писательскому цеху занимается антисоветской пропагандой; по словам профессора МГУ им. Ломоносова А. Карельского в его рецензии на книгу Г. Кайзера «Миф, опьянение и реакция»¹⁹ Э. Юнгер несет «идеологическое знамя тех, кто обильно насытил историю кровью, пеплом и преступлениями»²⁰. Однако по причине того, что Э. Юнгер рано и недвусмысленно дистанцировался от нацистского движения, советским критикам было непросто доказать его причастность к этой идеологии.

Более дифференцированным подходом к творчеству Э. Юнгера отличаются статьи А. Михайлова, опубликованные в философской и литературной энциклопедиях. В них идеологическая «начинка» не перекрывает информативной части. Как А. Михайлов, так и будущий диссидент Л. Копелев, выехавший в 1980 г. в ФРГ, упоминают сочинение Э. Юнгера «На мраморных утесах» как факт «литературного сопротивления» автора национал-социалистическому режиму. В отличие от ГДР,

Карельский А. Против идеологии реваншизма // Вопросы литературы. 1963. № 7. С. 216-220; Карельский А. Станции Эрнста Юнгера // Иностранная литература. 1964. № 4. С. 230-236; Упоминание в статье: Копелев Л. Немецкая литература // Краткая литературная энциклопедия М, 1968. С. 212, 216; Лифшиц М. Люцифер духа // Литературная газета. 1969. 23 апреля.

¹⁷ Jünger E. Werke. In 10 Bände. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1960-1965.

¹⁸ В 1956 г. Э. Юнгер получил литературную премию г. Бремена, за которой последовала премия за вклад в культуру г. Гослара. В 1959 г. он был награжден Крестом за Заслуги перед Отечеством, который был вручен писателю президентом ФРГ Теодором Хейсом; 29 марта 1960 г. он стал почетным гражданином г. Вильфлинген, почти одновременно с этим Э. Юнгер стал обладателем почетной премии германского союза промышленников.

¹⁹ Kaiser H. Mythos, Rausch und Reaktion. Der Weg Gottfried Benns und Ernst Jüngers. Berlin: Aufbau-Verlag, 1962. 371 S. В отличие от западногерманских критиков Г. Кайзер обвиняет Г. Бенна и Э. Юнгера не в протофашизме, а в том, что «они напрямую способствуют реставрации в Западной Германии» - выступают в качестве идейных вдохновителей холодной войны. Аннотация к книге Г. Кайзера: «Готфрид Бенн и Эрнст Юнгер стали сегодня идеологическим оружием западногерманской буржуазии. Их поза и жест такие же, как вчера и позавчера, они являются не просто типичными, но опасными представителями позднебуржуазного мировоззрения, после 1945 г. утвердившегося в Европе. В своем фундаментальном исследовании, сочетающем полемическую остроту с научной критикой, Г. Кайзер на основе многочисленных доказательств и подробного анализа отдельных случаев дает убедительный обзор духовного становления и политического влияния обоих авторов. Он показывает, что несмотря на все различия во взглядах и судьбах Г. Бенна и Э. Юнгера объединяет общая основа: иррациональный способ мышления стал основой их духовных деяний и сделал их представителями империалистического европейского движения, напрямую потворствующими западногерманской реставрации».

²⁰ Карельский А. Против идеологии реваншизма. С. 216.

где «одновременно с неприятием личности автора по идеологическим причинам его литературный талант нашел признание»²¹, в СССР художественный дар Э. Юнгера отрицался, автор получил клеймо «отсутствия литературного блеска»²².

1970-е гг.²³

Основой книги профессора С. Одуева, сотрудника Института философии АН СССР, «Тропами Заратустры (Влияние ницшеанства на немецкую буржуазную философию)», одна из глав которой посвящена юнгеровской версии философии жизни, стала его диссертация 1970 г. «Ницшеанство и немецкая буржуазная философия». В предисловии к немецкому переводу книги «Тропами Заратустры», вышедшему в 1977 г., издатели охарактеризовали ее следующим образом: «... Одуев как марксистско-ленинский историк философии следует «тропами» Заратустры-Ницше, проложенными в идеологии империалистической Германии и в главенствующей идеологии Германии после 1945 г.», такие «тропы» ведут и к «консервативным философам и литераторам типа Юнгера, приспособившим при помощи воли к «тотальной мобилизации» «волю к власти» Ницше к интеллектуальным потребностям агрессивного милитаристских кругов немецкого монопольного капитала и своей идеологией облегчившего соединение ницшеанства с фашистским варварством»²⁴. В работах С. Одуева постулировавшийся ранее протофашизм Э. Юнгера получил свое теоретическое обоснование: «Самой трудной задачей, которую предстояло решить фашизму в осуществлении своих кровавых планов, была задача завоевания масс на свою сторону, путем демагогии, пока он был еще не у власти, а затем также при помощи устрашения и террора. Его теоретические приспешники пытались нащупать такие точки соприкосновения между немцами, принадлежащими к разным социальным группам, такие общие моменты, принятие которых могло привести к какой-то, пусть эфемерной, консолидации классово разобщенных сил народа в какую-то общность, желательную расовую, скрепленную единством крови. Но это лишь средство, формальная основа. Суть задачи состояла в том, чтобы вбить в сознание немца иллюзию единства интересов между эксплуататорами и эксплуатируемыми, и в первую очередь, конечно, между буржуазией и пролетариатом, снять противоречия между ними. Философия предшествующего периода (в лице Шпенглера и т.п.) помогла создать некий противоестественный симбиоз между капиталистическим и социалистическим обществами в форме «прусского» социализма. «Новый» социализм, уже в замысле соединенный с оголтелым национализмом, стал достоянием фашизма. Э. Юнгер сделал следующий шаг: мифом о «рабочем» он

²¹ Dornheim L. Vergleichende Rezeptionsgeschichte. Das literarische Frühwerk E. Jüngers in Deutschland, England und Frankreich. Fr/M.: Verlag Peter Lang GmbH, 1987. S. 233.

²² Черная Л. Десять томов ненависти // Литературная газета. – 1963. – №146. – С. 2.

²³ История немецкой литературы: В 5-ти тт. М., 1976. Т. 5; Одуев С. Воля к власти как воля к тотальной мобилизации. Э. Юнгер // Одуев С.Ф. Тропами Заратустры (Влияние ницшеанства на немецкую буржуазную философию). М., 1971. С. 151 – 176; Одуев С. Философия «тотальной мобилизации» // Вопросы философии. 1971. № 3. С. 136–148; Филатов М. Эрнст Юнгер и его мифы // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1977. №2. С. 91–102; Одуев С. Ницшеанство и немецкая буржуазная философия. Дисс. ... докт. филос. наук. М., 1970; Михайлов А. Юнгер, Эрнст // Философская энциклопедия: М., 1970. Т. 5. С. 602; Михайлов А. Юнгер, Эрнст // Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. С. 1022.

²⁴ Gerlach H. M., Rieske G. Vorwort zur Ausgabe in deutscher Sprache // Oducv S. Auf den Spuren Zarathustras. Der Einfluss Nietzsches auf die bürgerliche deutsche Philosophie. Berlin, 1977. S. 8-9.

подсказал теоретическую модель, в которой может синтезироваться непримиримая противоположность между буржуазией и пролетариатом. Этот синтез оказался соблазнительным как идеальная, программная установка, открывающая национал-социализму некоторые возможности для идеологического влияния на рабочий класс, точнее, для разложения и развращения пролетарского сознания. Не будем спорить о степени эффективности этой модели, но ее «мобилизующее» воздействие не подложит сомнению»²⁵.

1980-1990-е гг.²⁶

Филолог Ю. Архипов был одним из немногих знатоков творчества Э. Юнгера, лично знавшим самого автора. Он посетил Э. Юнгера в его резиденции в небольшом местечке Вильфлинген, состоял с ним в переписке, которая хранится сейчас в Литературном Архиве г. Марбаха. Ю. Архипов опубликовал интервью с автором и инициировал первый перевод его книги на русский язык: утопия «Гелиополь» увидела свет при непосредственном участии Ю. Архипова. Он писал о Э. Юнгере как до, так и после распада СССР. Наивно было бы ожидать, что написанные им до 1990 г. статьи не следовали официальному тону, принятому в отношении Э. Юнгера, уже заголовки свидетельствуют об обратном: в сборнике «Литература человеконенавистничества» исследователь опубликовал статью о Э. Юнгере под названием «Буревестник стальных ураганов». Но несмотря на это, Ю. Архипов символизирует переход от восприятия Юнгера в ключе официальной идеологии к образу писателя после политического перелома. От однозначно негативного - к мозаичному восприятию Э. Юнгера, от автора, лишенного «литературного блеска», - к художнику слова и выдающемуся стилисту.

Переводы²⁷

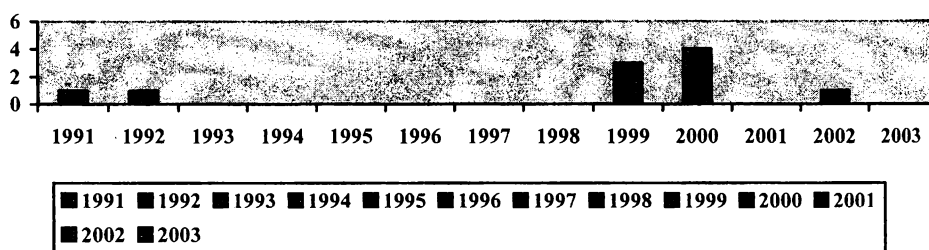
В 1992 г. Э. Юнгер был впервые опубликован на русском языке. Переводы, повысившие степень известности автора, представляют собой интерпретацию его текстов.

²⁵ Одуев С. Воля к власти как воля к тотальной мобилизации. С. 159 – 160.

²⁶ Архипов Ю. Эрнст Юнгер, буревестник «стальных ураганов» // Литература человеконенавистничества / Сост. Н. Анастасьев, М. Озеров. М., 1980. С. 118 – 138; Архипов Ю. Рецензия (Юнгер Э. После семидесяти. Дневники 65–80 гг. В 2-х тт.) // Современная художественная литература за рубежом, 1989. № 4. С. 95–96; Архипов Ю. Писатели ФРГ о России. Вступление, составление, перевод Ю. Архипова // Иностранная литература. 1990. № 8. С. 210–211. [Интервью с Э. Юнгером.]

²⁷ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. / Пер. и посл. А.В. Михайловского. Пред. Ю.Н. Солонина. СПб.: Наука, 2000.; Юнгер Э. Из книги «В стальных грозах» / Пер. А. Егоршева // Иностранная литература. 1999. № 2. С. 195–202; Юнгер Э. В стальных грозах / Пер. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. Пред. Ю.Н. Солонина. СПб.: Владимир Даль, 2000; Юнгер Э. Фрагменты из книг: «Автор и авторство»; «Граффити»; «Авантюрное сердце»; «Излучения» («Парижские дневники»: Париж 2.11.41, 22.06.42; «Кавказские заметки»: Ворошиловск 6.12.42, Кропоткин 9.12.42, Майкоп 12.12.42, Кутаис 31.12.42 Апшеронская 1.01.43); «Бой как внутреннее переживание»: Эрос; «Охота на вепря»; «Тотальная мобилизация»; «Рабочий. Господство и образ»; «Максима-Минима» / Пер. В. Рынкевича и А. Лукина // Иностранная литература. 1991. № 11. С. 210–227; Юнгер Э. Гелиополь / Пер. Г. Косарик // Немецкая антиутопия (сост. Архипов Ю.И.). М., 1992. С. 341–642 (2-е изд. СПб.: Амфора, 2000). Юнгер Э. Гелиополь: Роман / Пер. с нем. Г. Косарик. СПб: Амфора, 2000; Юнгер Э. Эпиграммы / Вступительная статья, перевод А.В. Михайловского // Новая Юность. – 1999. - №2 (35). - С. 90–100; Юнгер Э. Тонкий охотник / Пер. А.В. Михайловского // Лицейское & гимназическое образование (ЛГО). 1999. № 5 (12). С. 88–93; Юнгер Э. О боли / Пер. Г. Хайдаровой // Ступени. 2000. № 11. С. 47–50; Юнгер Э. Излучения (февраль 1941–апрель 1945) / Пер. с нем. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб: Владимир Даль, 2002.

Диаграмма 2. Количество переводов книг Э. Юнгера и отрывков из его произведений на русский язык.

Почти все книги Э. Юнгера опубликованы Санкт-Петербургскими издательствами. В издательстве «Владимир Даль», дочернем предприятии издательства «Наука», вышел дневниковый роман Э. Юнгера «В стальных грозах» (2000) и «Излучения» (2002). Книгой «В стальных грозах», две последних главы которой были напечатаны ранее в журнале «Иностранная литература» в переводе А. Егоршева, издательство открыло новую серию «Дневники XX столетия». Во вступительной статье редакция выразила надежду, что первая книга Э. Юнгера на русском языке будет встречена читателем «с искренней заинтересованностью, тем более что высокие художественные достоинства и заложенный в записках интеллектуально-эмоциональный комплекс освободили их от неблагоприятного воздействия конъюнктуры и времени»²⁸. В 2002 г. издательство «Владимир Даль» выпустило книгу младшего брата Э. Юнгера, Фридриха Георга Юнгера, «Совершенство техники». «Рабочий. Господство и гештальт» был издан в 2000 г. «Наукой» в серии «Слово о сущем». «Гелиополь» был впервые напечатан в издательстве «Прогресс» (1992), повторное издание было осуществлено Санкт-Петербургской «Амфорой». Тиражи книг Э. Юнгера ни разу не превысили 5000 экземпляров²⁹.

Как переводили Э. Юнгера и какими принципами при этом руководствовались? По мнению А. Михайловского³⁰, переводчика «Рабочего», текст Э. Юнгера предъявляет к переводчику феноменологическое требование, которое заключается в следующем: «не совершать ничего кроме того, что диктует сам текст. Иными словами, задача переводчика состоит в соответствии тексту, чей основной характер – в соответствии бытию, гештальту»³¹. Своеобразие «Рабочего», заключающееся в том, что «перед нами «диагноз эпохи», понимаемый как ее критика, как выражение кризиса времени, ответственное свидетельство на «суде мировой истории»»³², не позволяет переводчику руководствоваться заранее выбранной интерпретативной схемой. Отвергающий *ratio* текст Э. Юнгера

²⁸ От редакции // Юнгер Э. В стальных грозах / Пер. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. Пред. Ю.Н. Солонина. СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 6.

²⁹ Тиражи: «В стальных грозах» – 5000, «Рабочий. Господство и гештальт» – 2000, «Гелиополь» (2000) – 5000, «Излучения» – 2500.

³⁰ А. Михайловский опирается на традицию перевода текстов Э. Юнгера, сравнивая свой вариант перевода понятий (гештальт, рабочий) с вариантами переводчика на французский Жюльена Эрвье.

³¹ Михайловский А. Послесловие переводчика // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. / Пер. и посл. А.В. Михайловского. Пред. Ю.Н. Солонина. СПб.: Наука, 2000. С. 529.

³² Там же. С. 531.

сопротивляется рациональному конструированию, аналитической вивисекции.

Журнал «Новая Юность» опубликовал эпиграммы Э. Юнгера из книги «Листья и камни». Эта книга была впервые издана в 1934 г. и содержала кроме эпиграмм эссе «Тотальная мобилизация». В статье, предваряющей публикацию, А. В. Михайловский в унисон с процитированной выше мыслью написал: «Несколько десятилетий спустя Э. Юнгер, размышляя над проблемой отношения художника к власти, писал, что «свободному слову вредны как pro, так и contra», что «поэт берет слово не как противник, а подтверждает существующий порядок, действуя из неразделенного в настоящее», и это «сильнее, чем любая полемика, которая приводит в действие целое» (Autor und Autorschaft)³³.

В комментарии к переводу Г. Хайдаровой юнгеровского эссе «О боли» В. Савчук указал на то, что Э. Юнгер лишь регистрировал события, наблюдал и описывал их протекание, схватывал их суть поэтическим языком. Его текст следует переводить как поэтический, т.е. давать его подстрочник, для того, чтобы каждый читатель в процессе активного взаимодействия с текстом мог выработать свою собственную интерпретативную схему³⁴.

Ответственный секретарь «Иностранной литературы» А. Михеев, сравнив 2 перевода военного романа «В стальных грозах», заметил следующее: «Перевод этот (А. Егоршева) нельзя считать безупречным, но все же на его фоне отчетливо видны недостатки питерского варианта. Пытаясь, видимо, не слишком далеко удаляться от немецкого оригинала, Н. Гучинская и В. Ноткина сохраняют громоздкий синтаксис и тяжеловатый стиль...³⁵. И действительно, путеводной звездой переводчиц был текст автора. Они придерживались одной из заповедей переводческой этики: переводчик – лишь транслятор авторского замысла. В небольшом послесловии к книге «Излучения» В. Ноткина подтвердила предположение А. Михеева: «Перевод Гучинской исполнен доверия к автору, как будто он не только жил с нами в одно время, но и говорил с нами на одном языке»³⁶.

Высказывания переводчиков проникнуты убеждением в том, что подход к тексту Э. Юнгера должен быть не аналитическим, в принимающем. Таким образом, они следуют самостилизации Э. Юнгера как «сейсмографа», регистрирующего эпоху.

Основой для перевода юнгеровского политико-философского эссе «Рабочий», которое в отличие от многих других произведений Э. Юнгера не было подвергнуто значительной переработке, послужило издание 1982 г.³⁷, идентичное версии 18-томного собрания сочинений. Эссе «О боли» было также переведено по тексту собрания сочинений в 18-ти томах³⁸. Отрывки из этого эссе, переведенные Г. Хайдаровой³⁹, были взяты из первого издания 1934 г.⁴⁰ Перевод неоднократно редактировавшегося автором эссе «Тотальная

³³ Михайловский А. От переводчика // Новая Юность. 1999. № 35. С. 90

³⁴ Савчук В. // Юнгер Э. О боли / Пер. Г. Хайдаровой // Ступени. 2000. № 11. С. 49-50.

³⁵ Михеев А. Бумерангом из Петербурга – <http://magazines.russ.ru>

³⁶ Ноткина В. // Юнгер Э. Излучения (февраль 1941-апрель 1945). СПб: Владимир Даль, 2002. С. 782.

³⁷ Jünger E. Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt; Die Totale Mobilmachung; Ueber den Schmerz. Stuttgart: Klett-Cotta, 1982.

³⁸ Jünger E. Sämtliche Werke. Bd.7. Stuttgart: Klett, 1980. S. 143-191.

³⁹ Юнгер Э. О боли // Ступени. 2000. №11. С. 47-50.

⁴⁰ Эссе «О боли» было впервые опубликовано в сборнике «Листья и камни» в 1934 г.

мобилизация» был сделан на основе версии собрания сочинений. К сожалению, в обоих случаях остается неясным, на основе какого из 7 основных вариантов⁴¹ и 36 изданий⁴² романа «В стальных грозах» был осуществлен перевод этого произведения, хотя в предисловии к книге обсуждается склонность Э. Юнгера к постоянному редактированию и переработке своих трудов⁴³.

Таким образом, можно дать ответ на второй вопрос, поставленный в данной работе: основой для переводов Э. Юнгера почти всегда служит последнее издание – версия собрания сочинений, к запланированным 18-ти томам которого за последнее время добавилось еще 4 тома. Русскому читателю преподносится не первоначальный вариант того или иного произведения, а отредактированный вариант, подвергнутый авторской цензуре. Знакомство с неоднозначными работами раннего Э. Юнгера происходит сквозь оптику позднего Э. Юнгера. Этот факт свидетельствует о том, что проблематика юнгеровской «мании редактирования» еще не осознана исследователями его творчества в России.

1991-2003 гг.⁴⁴

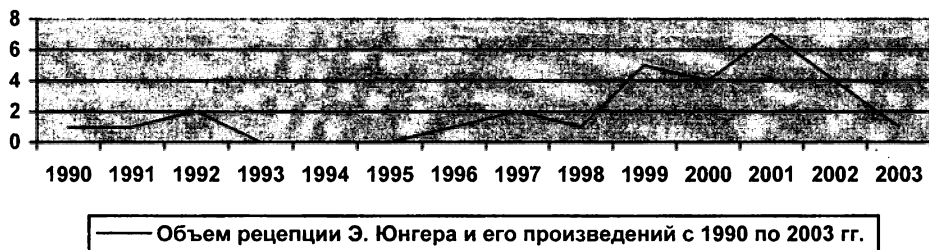
⁴¹ Knebel H. " Fassungen": Zu Überlieferungsgeschichte und Werkgenese von Ernst Jüngers *In Stahlgewittern*. // Vom Wert der Arbeit: zur literarischen Konstitution des Wertkomplexes "Arbeit" in der deutschen Literatur (1770-1930); Dokumentation einer interdisziplinären Tagung in Hamburg vom 16. bis 18. März 1988/ Hrsg. H. Segeberg. Tübingen: Niemeyer, 1991. S. 379.

⁴² Ср.: Mühleisen H. Bibliographie der Werke Ernst Jüngers. Stuttgart: J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger GmbH, 1996.

⁴³ Солонин Ю. Эрнст Юнгер: от воображения к метафизике истории // Юнгер Э. В стальных грозах. СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 29.

⁴⁴ Рынкевич В., Лукин А. Эрнст Юнгер: личность и творчество. Авантюрное сердце // Иностранная литература. 1991, №11. С. 203–210; Козловски П. Трагедия модерна. Миф и эпос XX века у Эрнста Юнгера // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 15–27; Шевченко Г. Fin de Millionaire, или взгляд на мироздание сквозь ножницы Атропос. Ernst Jünger. "Die Schere" // Диапазон. Вестник иностранной литературы. Ежеквартальное критико-библиографическое обозрение. М., 1992, №2/3 (210/211). С. 183–187; Хазанов Б. Эрнст Юнгер, или Прелесть новизны // Вопросы литературы. 1996. № 6. С. 178–201; Пленков О. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. - СПб., 1997; Козловски П. Миф и эпос XX века // Вопросы философии. 1997. № 12. С. 15–27; Архипов Ю. Мафусаил немецкой словесности // Москва. 1998. №8. С. 190–192; Фигаль Г. Юнгер Эрнст // Современная западная философия: Словарь. М., 1998. С. 526–529; Ишимбаева Г. Фауст в стиле экзистенциализма (антиутопия Эрнста Юнгера «Гелиополис») // Филологические науки. 1999. № 4. С. 50–56; Мокроусов А. Фанфары для читателя // Новое время. 1999. № 19. С. 42–43; Хазанов Б. Эрнст Юнгер. Сладостоловец варварства // Новое время. 1999. № 46. С. 36–37; Михайловский А. Дар зрения // Лицейское и гимназическое образование. 1999. № 5 (12). С. 86–88; Михайловский А. От переводчика // Новая Юность. 1999. № 35. С. 90–100; Михайловский А. Рабочий // Новая философская энциклопедия: М., 2000. Т. 3. С. 392; Солонин Ю. Эрнст Юнгер: от воображения к метафизике истории // Юнгер Э. В стальных грозах. СПб., 2000. С. 11–34; Солонин Ю. Эрнст Юнгер: образ жизни и духа // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб., 2000. С. 5–54. Solonin J. Ernst Jünger: sein Geistes – und Lebensbild (in der russischen Übersetzung von E. Jünger "Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt"); Хайдарова Г. Превращенная боль. // Ступени. 2000. №1 (11). С. 13–21; Малер А. Рецензия (Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб, 2000) // Философская газета. 2001. № 2 (3); Грицанов А.А. Юнгер Эрнст // Всемирная энциклопедия: философия. М., 2001. С. 1282–1284; Михайловский А. Юнгер Эрнст // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 4. С. 494–495; Михайловский А. Зрение и ответственность. Образ времени в эссеистике Эрнста Юнгера // Ex Libris НГ. № 2 (174); Олейников А. «В ландшафте из льда и огня» (Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб., 2000) // Книжное обозрение. 2001. № 7 (1809); Оздобкина Е. Рецензия (Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт) // Новый мир. 2001. № 8. С. 205–206.; Михайловский А. Вопрос о технике. Критика эпохи у Эрнста Юнгера и Мартина Хайдеггера. Автореферат дисс. ... канд. филос. наук. М., 2001.; Козловски П. Миф о модерне: Поэтическая философия Эрнста Юнгера. М., 2002 (Рецензия на эту книгу: Михайловский А. Гамбит Козловского // Ло-

Диаграмма 3.

С 1991 г. объем рецепции Э. Юнгера и его произведений увеличивается. Если с 1960 по 1990 гг. зарегистрировано 16 источников, среди них одна диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук, в 14 печатных изданиях, то с 1991 по 2003 гг. это число возросло до 29 источников 16 авторов, среди которых 4 рецензии, 6 статей, сопровождающих переводы, 5 энциклопедических статей и 14 самостоятельных публикаций. Обращает на себя внимание то, что первый перевод и публикация книги Э. Юнгера «Гелиополь» в 1992 г. не влечет за собой значительного увеличения объема рецепции по сравнению с прошлыми десятилетиями. Лишь в 1999 г. эта книга становится предметом обсуждения в литературоведческой статье Г. Ишимбаевой „Фауст в стиле экзистенц“. Этот редкий пример филологического анализа подтверждает стойкое отсутствие интереса к литературному компоненту творчества Э. Юнгера.

После 1990 г. не стало единой главенствующей идеологии. Россия внезапно оказалась в разряженном пространстве постмодерна. Начался поиск новых стратегий взаимодействия с текстом, привычные интерпретационные схемы перестали удовлетворять, встала острая необходимость разработать новые матрицы восприятия. Это настроение иллюстрирует название одной из статей Б. Хазанова – «Эрнст Юнгер, или Прелесть новизны».

В 1992 г. в «Вопросах философии» была опубликована статья немецкого философа П. Козловски «Трагедия модерна», в которой политико-философские труды Э. Юнгера истолкованы как «эпопея модерна» и «миф модерна»⁴⁵. По мнению исследователя, творчество Э. Юнгера «может помочь «метаисторическому» рассмотрению идеологий, так как во все времена оно было отмечено политической *невовлеченностью* (курсив автора) и дистанцированностью»⁴⁶: «Магический реализм» и поэтическая философия Э. Юнгера представляют собой попытку выйти за границы рационализма, не обратившись в иррационализм. Его мифология и теософия родилась из стремления преодолеть нигилизм. Однако они не были и «верой» в смысле христианской теологии. Вначале Юнгер надеялся на то, что фашизм сможет стать преодолением нигилизма. Однако фашизм не смог, как этого

гос. Философско-литературный журнал. 2002. № 4 [35]); Грицанов А.А. Юнгер Эрнст // Всемирная энциклопедия: Философия XX век. М., 2002. - С. 947-948; Солонин Ю. Н. Дневники Э. Юнгера. Впечатления и суждения // Юнгер Э. Излучения (февраль 1941-апрель 1945) / Пер. с нем. Н. Гучинской, В. Ноткиной. СПб., 2002. С. 737-759; Михайловский А. Значение языка «Рабочего» для хайдеггеровской критики метафизики // Историко-философский ежегодник '2001. М., 2003. С. 218-248.

⁴⁵ Козловски П. Трагедия модерна. Миф и эпос XX века у Эрнста Юнгера. С. 15-18.

⁴⁶ Там же. С. 16.

ожидал Юнгер, преодолеть либерализм, но привел к еще худшему нигилизму вплоть до окончательной бесчеловечности. [...] После того как путь тотальной технической и экономической мобилизации, выбранный фашизмом, национал-социализмом и ленинизмом, обнаружил себя как несостоятельный, Юнгер уже в 1933-38 гг. пришел к необходимости преодолеть нигилизм с помощью магической поэзии, а затем с помощью мифа и теософского гнозиса»⁴⁷. П. Козловски подчеркивает дистанцированность Э. Юнгера от национал-социализма и не соглашается с тезисом Н. Больца, который считал «крайних представителей Веймарской республики» и Э. Юнгера в их числе «дезертирами нового времени»⁴⁸.

Политолог О. Пленков рассмотрел раннее политико-философское творчество Э. Юнгера под углом «нового национализма». Во вступлении исследователь охарактеризовал Э. Юнгера как «легендарного фронтовика и самого известного и блестящего (sic!) беллетриста периода Веймарской республики»⁴⁹. Он сравнил действие военных дневников Э. Юнгера с «хорошей советской прозой о Великой Отечественной войне, - такие понятия, как боевое товарищество, воинский долг, честь, самоотверженность, огромное напряжение духовных и физических сил солдат во имя великих целей – все эти темы нельзя игнорировать ради пацифизма, раз уж люди воевали, рисковали жизнью и стремились к высоким целям»⁵⁰.

По словам О. Пленкова, военная романтика Э. Юнгера на определенном этапе трансформировалась в политическую, его «новый национализм» имеет романтические корни. В статье отмечается, что аудиторией политического влияния Э. Юнгера была прежде всего молодежь, так как он «смог создать героический образ фронтовика, свободный от смешного старомодного национализма и патриотизма и именно поэтому имевший чарующее и опасное воздействие на молодых людей, способных на романтическое воодушевление»⁵¹. Согласно О. Пленкову, Э. Юнгер был убежденным нонконформистом, о чем свидетельствует то обстоятельство, что несмотря на свой резко оппозиционный настрой по отношению к Веймарской «системе» писатель не примкнул ни к одной из сторон политического спектра. Автор пришел к следующему заключению: «Людьми подобного Юнгеру типа были Антуан де Сент-Экзюпери, искавший освобождения от будней в полях, романтических, авантюрных и весьма опасных предприятиях, или Андре Мальро, который, как и Сартр, ради придания жизни нового смысла предпочитал различные формы левого радикализма. Такого же точно свойства, как у названных знаменитых французов, нонконформизм, отвращение к буржуазности одолевал и Э. Юнгера, что и предопределило его обращение к «консервативной революции». Э. Юнгер остается верен себе до сих пор, сохраняя сильную критическую дистанцию даже к современной немецкой демократии; такая устойчивость воззрений и темперамента достойна уважения и подражания»⁵².

⁴⁷ Там же. С. 18.

⁴⁸ Bolz N. Auszug aus der entzauberten Welt. Philosophischer Extremismus zwischen den Weltkriegen. München, 1989. S. 11. Цит. по: Козловски П. Трагедия модерна. Миф и эпос XX века у Эрнста Юнгера. С. 18.

⁴⁹ Пленков О. Мифы нации против мифов демократии. С. 372-373.

⁵⁰ Там же. С. 372-373.

⁵¹ Там же. С. 375.

⁵² Там же. С. 384.

В обзорной статье Б. Хазанова «Эрнст Юнгер, или Прелесть новизны» затронут общий для большинства обзорных публикаций комплекс тем: достижение Юнгером преклонного возраста, в связи с чем Ю. Архипов назвал писателя «Мафусаилом немецкой словесности»⁵³; «незаслуженная»⁵⁴ Э. Юнгером слава «певца войны»⁵⁵; «новый национализм», истолкованный как поиск новых ценностей в «деморализованном мире»⁵⁶; его принадлежность к рыцарскому ордену «воинов-эстетов»; так называемый «спор вокруг Э. Юнгера»; писатель как «свидетель своего времени»; произведение «На мраморных утесах» как документ «внутренней» эмиграции, которое также может быть прочитано как парабола заката эпохи; стиль Э. Юнгера и его близость к французской литературной традиции.

Ультимативная перспектива литературоведа Б. Хазанова: доминанта творчества Э. Юнгера – его стиль, он может быть понят и, следовательно, должен быть интерпретирован только через стиль. Благоговение исследователя высвобождает содержательную сторону произведений Э. Юнгера из паутины политического дискурса: «Потому что достоинство художника состоит в том, чтобы не поддаваться этой действительности, миссия художника – укротить ее. Потому что совершенная фраза побеждает тиранию. Проза требует абсолютного слуха. Стиль (а не идеология) переживает века. Стиль – это спасательный круг, за который можно схватиться. Это способ выстоять. Стиль, может быть, и есть последняя, высшая ценность. Некогда было сказано: стиль – это человек. Об Эрнсте Юнгере можно сказать обратное: человек – это стиль»⁵⁷. Более того, Б. Хазанов отвел Э. Юнгеру место среди классиков немецкой литературы, истоки его стиля исследователь видит в античной поэзии: „Этот стиль – идет ли речь о повествовательной прозе, дневниках или путевых записках – отличается изумительной концентрацией, доступной разве что поэтам, в значительной мере утраченной с крушением античной культуры и письменности, со смертью древних языков»⁵⁸.

Итоги:

1. После распада СССР интерес к Э. Юнгеру и его произведениям возрос. Падение идеологических «шор» стало сигналом для филологов и издателей к тому, чтобы закрыть существовавшие во времена Советского Союза литературные «дыры», издав и начав изучение ранее запрещенных авторов. Увеличению интереса к Э. Юнгеру способствовал перевод его книг на русский язык. Однако спустя несколько лет после их издания наблюдается спад рецепции, обращение к автору стало менее частым. Объяснение этому может заключаться в малом тираже изданных произведений. Общий объем посвященный Э. Юнгеру публикаций, увидевших свет после издания переводов, позволяет сделать вывод, что степень известности писателя недостаточно высока для того, чтобы достичь широкого читателя, он остается маргинальным, доступным лишь узкому кругу специалистов.
2. В целом, Э. Юнгер воспринимается в России с политико – мировоззренческой точки зрения. Самостоятельного российского юнгероведения, в осо-

⁵³ Архипов Ю. Мафусаил немецкой словесности. // Москва. 1998. № 8. С. 190-192.

⁵⁴ Хазанов Б. Эрнст Юнгер, или Прелесть новизны // Вопросы литературы. 1996. № 6. С. 181.

⁵⁵ Там же. С. 181.

⁵⁶ Там же. С. 184.

⁵⁷ Там же. С. 193.

⁵⁸ Там же. С. 200.

бенности его филологического ответвления, еще не появилось.

3. Основная стратегия прочтения Э. Юнгера следует схеме его самостилизации в качестве «свидетеля эпохи». Однажды выбранная автором для оправдания своего национал-революционного творчества, эта самостилизация стала основной призмой, сквозь которую воспринимается его творчество в России.

В заключение позволим себе сделать следующее предположение: маловероятно, что до 1990 г. книги Э. Юнгера смогли бы найти читателя, так как в них отсутствовали точки соприкосновения с русским опытом XX столетия. Английские фронтовики Первой мировой ощущали, что книга «В стальных грозах», хотя и созданная их бывшим противником, описывает тем не менее их собственный опыт, им импонировали авантюрный дух Э. Юнгера, героизм и рыцарское обращение с врагом. Для французов восприятие этой книги было омрачено болезненными воспоминаниями о нападении на их территорию. Но и англичан, и французов, и немцев объединял опыт позиционной войны и битвы материала. Русские же пережили эту войну скорее как прелюдию к революции и появлению социалистического государства. Политико-философские сочинения раннего периода творчества Э. Юнгера вышли с некоторым опозданием – к середине 1830-х гг. идеи в СССР перестали пользоваться особым спросом. Кроме того, долгое время отсутствовал контекст для политикомировоззренческой интерпретации его ранних работ, масштаб для измерения его идей: авторы «консервативной революции» не соответствовали марксистско-ленинскому идеологическому канону. Трудно также предположить, что «Излучения» – дневник офицера гитлеровской армии – нашли бы в нашей стране издателя. После того как в 1960-х гг. Э. Юнгер был заклеимен как реваншист и антигуманист, круг его читателей был ограничен специалистами – германистами и, реже, философами.

Требовалась историческая перспектива и изменение исторической материи, начало которому было положено в 1990 г., чтобы стало возможным воспринимать книги Э. Юнгера как «свидетельство эпохи».